

Для ее осуществления предлагались определенные практические меры в соответствии с духом времени: упрощались жертвы, упрощался и унифицировался ритуал, создавались языческие «откровения». Реформированное неоплатониками язычество решительно отличалось от религии времен Гомера³².

Выдвижение неоплатониками на первый план высших божеств римлян было созвучно с деятельностью императоров III в. Многие из них провозглашали какого-либо бога или героя своим покровителем. Так, Постум изображал на монетах Геркулеса, Марса, Юпитера; Проб выдвигал на первое место Солнце и т. д.³³ Возможно, что выдвижение неоплатониками Урана, Кроноса, Зевса (Юпитера) являлось попыткой внести порядок в избрание императором божественного покровителя. Любопытно, что при Галлиене особенно часто встречается на монетах изображение Юпитера. Этот же бог позднее фигурирует на монетах Аврелиана, Проба, Кара, Карина, Нумериана³⁴.

Провозглашение неоплатониками греко-римских божеств в качестве высших подтверждает вывод о том, что они выражали взгляды довольно узкого слоя именно римской сенаторской знати, так как эта прослойка наиболее упорно держалась за старую религию, обосновывающую ее господство над миром. Император Юлиан, ревностный поклонник неоплатонизма, писал, полемизируя с христианами: «И вот, жалкие вы люди, в то время как мы храним упавшее с неба оружие, которое послал нам великий Зевс или отец Арес... в виде вещественного залога, что он будет защищать наш город, вы отказываетесь поклоняться ему и чтить его...»³⁵.

Либаний, говоря о запустении храмов и о пренебрежении к богам, восклицает: «С помощью этих богов римляне, нападая на противников и сражаясь, побеждали и, победив, создавали для побежденных лучшие времена, чем до поражения» (*Lib., Oratio XXX, 5*). Этот мотив был настолько актуальным, что он звучит в произведениях всех апологетов язычества от Цельса до Симмаха.

Все это свидетельствует о том, что если сущность религиозной реформы, предлагаемой неоплатониками, заключалась в превращении религии господствующего полиса во всемирную, то цель ее сводилась к утверждению римского господства над миром. Но для этого нужно было доказать ложность оппозиционных религий, создаваемых в разных классах общества империи. Наиболее серьезным противником неоплатонизма было ортодоксальное христианство. В борьбу с ним и вступили последователи Плотина. Изучение характера и исторического значения этой борьбы представляет большой интерес и заслуживает специального исследования.

А. Л. Кац

ЛЕКЦИОННЫЕ КУРСЫ П. Г. ВИНОГРАДОВА 80-х гг. ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

П. Г. Виноградов вошел в историю русской исторической науки как крупнейший исследователь социальной истории средневековой Англии. Виноградов-исследователь совершенно заслужил собою Виноградова-профессора, а между тем не следует забывать, что поколение профессоров-западников (М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев и др.), к которому принадлежал Виноградов, было поколением ученых, занимавшихся всеобщей историей. На протяжении десятков лет эти профессора читали

³² Kellner, ук. соч., стр. 190.

³³ САН, т. XII, стр. 359.

³⁴ САН, т. XII, стр. 360—361.

³⁵ Juliani imperatoris librum contra Christ., I.

лекционные курсы по всем периодам мировой истории; для нас эти курсы представляют значительный интерес — они дают возможность изучать взгляды этих историков на примере не отдельной страны и не отдельной проблемы, а на примере западноевропейской истории на всем ее протяжении. Сам Виноградов очень ценил эту сторону деятельности наших ученых, подчеркивая, что «... русским профессорам не приходится стыдиться своих курсов ни перед кем; они вкладывали в них лучшее достояние своего знания и труда, делали для них даже больше, чем для специальных исследований или печатных изданий. Сколько можно у нас назвать талантливых профессоров, которые именно в этой форме проявляли свою ученость и умение»¹.

К числу забытых, но чрезвычайно характерных для раннего периода «русской исторической школы» курсов принадлежит курс молодого Виноградова по истории древней Греции, читанный им в Московском университете в 1885—1886 учебном году, и по истории Римской империи, читанный на Высших женских курсах В. И. Герье в 1884—1885 учебном году (историю Римской республики читал Герье).

Приступая к курсу по истории Греции, Виноградов прежде всего определяет свои исходные методологические позиции. Он не скрывает того обстоятельства, что историю он рассматривает с точки зрения современной ему действительности. «Как бы мы ни старались относиться к истории методично, спокойно, все же должны признать истинность формулы, высказанной одним из современных историков, — „история есть политика прошедшего, а политика — история настоящего“»². Виноградов не называет имени этого историка, но он, несомненно, имел в виду известного английского историка Эдуарда Фримана, указывавшего на связь политики и истории. Всего год перед этим Виноградов вернулся из Англии, где собирал материалы для своей докторской диссертации. О связи истории с политикой говорил и Гизо, книгу которого «История цивилизации во Франции» Виноградов в 1877 г. выпустил на русском языке. Другими словами, лектор апеллирует к передовой буржуазной науке. Э. Фриман, как известно, отстаивал тезис о господстве общины в период раннего средневековья в Англии, а Гизо был крупным исследователем проблемы земельной собственности. Это были исторические проблемы, над которыми работал сам Виноградов. Но эти историки были также близки ему своим признанием связи буржуазной истории с политическими и идейными запросами современности. Однако такое признание, свойственное передовой буржуазной историографии, уже уходило в прошлое. В те годы, когда Виноградов читал свой курс, на Западе в моду входило другое направление — уверять в своей научной беспристрастности. Наиболее характерной фигурой в этом отношении был, как известно, Фюстель де Куляж. Но в признании буржуазной историографией этой связи с современностью крылся и источник модернизации исторического прошлого. Не избежал этого и Виноградов. В истории античности он видел своего рода аргумент в пользу буржуазных порядков в России, ибо, по мнению Виноградова, в древности «мы найдем те же элементы, те же затруднения, что и в современной жизни, хотя в ином масштабе, в более легкой комбинации. Мы встретимся здесь с вопросами о постановке власти, о степени участия общества в государственной жизни, с экономическими вопросами, как, например, об отношении труда к капиталу, с вопросом о роли свободной мысли и традиции в жизни народа и др.»³.

Для решения поставленной задачи Виноградов выдвинул ряд основных методологических положений. Первым из таких положений он считает изучение с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к о й истории, основу которой составляет э к о н о м и ч е с к о е развитие, ибо «хозяйственный процесс... в существенной степени определяет процесс социальный — определяет, как сложились классы общественные, какое

¹ «Вестник Европы», 1901, № 10, стр. 570.

² История Греции. Лекции, читанные экстраординарным профессором П. Г. Виноградовым. Гектографированный курс 1885—1886 академ. года, стр. 3. В дальнейшем «История Греции».

³ «История Греции», стр. 4—5.

установилось движение в обществе»⁴. Вторым положением после изучения истории общества Виноградов считает изучение истории государства. Причину возникновения государства лектор объясняет следующим образом: «Государство складывается благодаря воздействию природы страны, столкновению с другими национальностями, вследствие того положения, которое принадлежит в государстве известному классу, — а социальные группы, конечно, отражают хозяйственные отношения — все эти факторы влияют на образование государства»⁵. Наконец, третье обязательное положение — изучить духовную жизнь общества. Историю духовной жизни Виноградов ставит в связь с социально-экономической и политической историей; он считал, что именно на «материальном фундаменте возникает нравственное и культурное здание, которое существенно определяется в своих чертах... экономическими, социальными и политическими условиями» (там же, стр. 164).

Социологическая схема раннего Виноградова носит на себе явные следы влияния экономического материализма, который вносит в нее известные черты единства; именно в этот период влияние экономического материализма на Виноградова было наибольшим. Но вся эта «экономическая» схема лишена классового содержания. Различавший классы и их интересы в историческом процессе, Виноградов свой анализ этого процесса строит не по линии борьбы классов, а по линии борьбы «общества» и государства. В связи с этим государство у него выступает как сила надклассовая. Как явствует из его формулы происхождения государства, на первое место Виноградов ставит влияние природных условий и защиту от врагов, то есть причины внешние. Что же касается внутренних причин образования государства, то в формуле Виноградова они отодвинуты на второй план, в действительности же Виноградов никогда не считал государство классовой организацией, подчеркивая, что внутренняя задача государства — «охранить труд и пресекать преступления»⁶. Во всем этом нельзя не видеть влияния формулы русской либеральной исторической школы о происхождении русского государства из борьбы «со степью». Из внеклассовой трактовки государства у Виноградова вытекало положение о том, что государство гораздо древнее классов, ибо в первобытном обществе, где не было классов, уже надо было защищаться от соседей. Этим государством, возникшим из военных функций, была тогда, по мнению Виноградова, родовая организация — «род был государством, а государство являлось только федерацией родов»⁷.

Однако социологическая схема Виноградова была передовой в тогдашней буржуазной науке. Она приводила к ряду прогрессивных выводов на примере античной истории. В то время как в западной историографии все более усиливались реакционные теории, утверждавшие извечность частной собственности, Виноградов считал догомеровский период в истории Греции временем господства коллективной собственности. «Основной факт тот, — говорит Виноградов, — что в архаическую эпоху индивидуальной собственности не существовало, а была только собственность родовая, которая постепенно распадалась на собственность семей и потом уже на индивидуальную собственность» (там же). Кстати сказать; эта научная трактовка проблемы собственности стояла у Виноградова в вопиющем противоречии с трактовкой проблемы рода. Если в первом случае Виноградов идет от коллективных форм к индивидуальным, то во втором он идет в обратном направлении — первоначальной ячейкой древнего общества он считает моногамную семью, объединение семей образует род, объединение родов — племя. Это была старомодная, официальная теория, которой придерживался не один Виноградов; она была весьма удобной в том отношении, что мирила существование рода с официальной библейской традицией о моногамной семье как изначальной ячейке человеческого рода.

⁴ П. Г. Виноградов, История Римской империи (Высшие женские курсы), 1884—1885 гг., стр. 157. В дальнейшем «Римская империя».

⁵ Виноградов, Римская империя, стр. 133.

⁶ «Римская империя», стр. 165.

⁷ «История Греции», стр. 41.

Последующий период в истории древней Греции — гомеровский — Виноградов характеризует как эпоху формирования классов. «В первоначальном обществе главным основанием для расчленения его на классы является, несомненно, экономический быт»⁸, — таков исходный тезис Виноградова; наличие скотоводства и земледелия, когда «земельный надел служит главным основанием наследства», служит ему основанием вывести начало классов из земельного неравенства; рост разделения труда приводит к образованию класса ремесленников, а также купцов, ибо «торговля является уже не случайным, а постоянным занятием известной группы людей, специально купеческой, выделившейся из прочих»⁹.

Но, излагая образование Спартанского и Афинского государств, Виноградов тем не менее связывает появление этих государств не с образованием классов, а, как всегда, с внешними причинами. Он начинает со Спарты, ибо она для Виноградова представляет классический пример формирования государства путем завоевания; завоеватели — дорийцы составили господствующий класс спартиатов, завоеванное ахейское население — классы периэков и илотов. Политический строй Спарты Виноградов считает республикой, поскольку в древнегреческом полисе, как государстве небольшом по размерам, условия для монархии отсутствовали. Это старое положение о невозможности монархии в малом государстве — его развивали французские просветители, в частности, Руссо, — Виноградов использует для некоторого фрондерства по отношению к самодержавию. В государстве малом, говорит Виноградов, монархия не может укрепиться, потому что здесь все совершается на глазах народа; «где ценится каждый шаг, каждое действие правительства, где замечается каждая ошибка его, слабость, здесь не может образоваться и развиваться то августейшее положение, обаяние царской власти, которое развивается в монархии. Монархия должна быть окружена как бы облаком, здесь всегда должно быть „до царя далеко“»¹⁰.

Всю внутреннюю и внешнюю историю Спарты доклассического периода Виноградов сводит к аграрному вопросу. Весь внутренний строй государства, перестройка государственных учреждений проходили в борьбе спартиатов с безземельной частью свободных. Борьба за землю была основным двигателем также и внешней политики Спарты. Первая Мессенская война, например, «объясняется именно тем, что спартанцы принуждены искать земли» (там же, стр. 108). Но и война не могла удовлетворить потребность в земле и поэтому спартанцы прибегали к аграрной колонизации чужих земель. «Таким образом, — заключает Виноградов, — Спарте необходимо было или постоянно раздвигать свои границы, или изменить внутренний строй государства»¹¹.

Афинское государство, по мнению Виноградова, создано на иной основе, чем государство спартанское; «история Аттики пошла не от завоевания, как история Спарты, а от синоикизма» (там же). Отсутствию завоевания Виноградов придавал большое значение; поскольку «устройство Афин никогда не представляло... подчинения туземной массы военной аристократией... этим самым открыта была до известной степени возможность демократического развития»¹². Однако Виноградов считает, что сам синоикизм был результатом внешних обстоятельств. «Как и естественно ожидать а priori, соединение между государствами совершилось под влиянием внешнего толчка — внешние опасности спаяли части, которые были первоначально разрозненными и самостоятельными. Внешний толчок был дан борьбой против влияния финикийян».

В отличие от Спарты в Афинах был силен торговый слой, боровшийся вместе с крестьянством против эвпатридов. Однако основным объектом борьбы между атичским крестьянством и эвпатридами были общинные земли; «здесь существовали общественные выгоны, общественные земли, оставшиеся от первоначальной эпохи коллективной собственности. Разверстка этих земель совершалась под влиянием эвпатри-

⁸ «История Греции», стр. 56.

⁹ Там же, стр. 59.

¹⁰ Там же, стр. 124.

¹¹ Там же, стр. 114.

¹² Там же, стр. 221.

дов, которые выкраивали для себя лучшие части и сбивали таким образом подначальный демос на земли, совершенно неудовлетворительные в хозяйственном отношении. Вот почему аристократическая партия стала партией равнины, а демократическая — партией горной»¹³.

Вся история Атики вплоть до реформы Клизфена есть история борьбы торговых слоев и крестьянства против эвпаридов. Именно в этой борьбе создавалась афинская демократия. Вопросу об афинской демократии Виноградов придавал решающее значение во всей истории классического периода Греции. Отдавая ей предпочтение перед спартанской олигархией и римским абсолютизмом, он указывает на ее отрицательные стороны. Такой отрицательной стороной был прежде всего рабовладельческий характер общественных отношений в древней Греции. «В этом и заключается трагическая вина афинской демократии. Весь свой блеск она построила на систематической эксплуатации рабского труда, на притеснении союзников, истреблении побежденных. При этих условиях не могло быть прочного расцвета демократических начал, и добытые для Афин успехи оказали свое всемирно-историческое влияние уже тогда, когда в самом городе пали свобода и благосостояние»¹⁴.

К числу отрицательных сторон афинской демократии Виноградов относит также ожесточенность борьбы партий. Он не одобряет, что «олигархи со страшною злобою относились к демосу и даже к родному городу, государственный строй которого определялся демократией»¹⁵, но он порицает также и господство народного большинства в Афинах. В комментариях к речи Перикла об афинской демократии Виноградов по существу ведет полемику против суверенитета большинства, ибо оно, «не получая соответственной подготовки, должного образования, неспособно управлять государством, меньшинство же богатых и знатных имеет возможность пройти политическую школу, как следует, и ему должно быть предоставлено ведение государственных дел»¹⁶. Со словным интересам меньшинства, подчеркивает Виноградов, «нет места в афинской демократии». Следуя известному тезису А. Токвиля (предшественником Токвиля в этом отношении был Монтескье), Виноградов считал господство большинства неприемлемым и потому, что оно якобы таит в себе опасность абсолютизма. Народные массы, по его мнению, предпочтут отказаться от политических прав в пользу любого диктатора, который им обеспечит материальные выгоды. На этом основании Виноградов время расцвета афинской демократии считает фактической монархией Перикла. Хранительницей свободы Виноградов считает аристократию, борющуюся за свободу не ради материальных выгод, а ради самой свободы и не терпящую никакого деспотизма. Токвиля Виноградов ценил чрезвычайно высоко. В 1896 г. он перевел на русский язык его труд «Старый порядок и революция».

Не последним изъяном афинских порядков, по мнению Виноградова, является отсутствие системы представительства. Афинская демократия — демократия непосредственная, где не было места выборам депутатов, не было системы представительных учреждений, которая, по мнению Виноградова, могла обеспечить интересы всех классов. «Выход представлялся в организации государственной власти на началах представительства, политическая свобода в государстве могла сказаться не иначе, как посылкою депутатов. Но эта форма была не известна в древнем мире»¹⁷.

Другими словами, демократия, за которую боролся сам Виноградов, должна учесть эти пороки древней демократии. Не ставить крестьянство в рабское положение, вместо абсолютизма создать представительную систему, не допускать господства большинства над привилегированным меньшинством, отказаться от классовой борьбы — такова та политическая программа, с которой обращался Виноградов к русскому студенчеству, говоря об истории древней Греции.

¹³ «История Греции», стр. 162.

¹⁴ Там же, стр. 328.

¹⁵ Там же, стр. 323.

¹⁶ Там же, стр. 325.

¹⁷ Там же, стр. 280—281.

Изложение римской истории Виноградов начинал, как уже было сказано, с истории империи. Уже первыми словами своей первой лекции он — ценитель афинской демократии — давал понять, что не питает никаких симпатий к деспотизму, историю которого ему предстоит излагать. Как бы с сожалением бросая взгляд на уходящую римскую республику, он восклицает: «Какой контраст между древним Римом с его республиканской доблестью и Римской империей с ее деспотизмом, захватывающим всю власть в свои руки, убивающим все свежее и самостоятельное! Контраст этот, без сомнения, невыгоден для истории Римской империи»¹⁸.

В чем причина перехода от республики к империи? Виноградов не упускает из виду внутреннюю причину гибели республики. Эта причина состояла в гибели мелкого землевладения, составлявшего социальную основу республиканского строя и его военной опоры — римских легионов. Но решающее значение в процессе перехода к империи Виноградов придает причинам внешним. Территория римского государства все время расширялась, войны начинали играть все большую роль, внешняя политика все больше осложнялась, а все это требовало единого руководства. «Необходимость в сосредоточенной, традиционной, опытной политике заставляет и государственное управление суживаться все в более и более узкие круги. Масса народа — плохой советчик, когда дело идет о направлении военных действий, о ведении сложных отношений с азиатскими державами»¹⁹. Центуриатные и трибутные комиции постепенно теряют значение, власть сосредоточивается в сенате, а сенатом правит весьма ограниченное число семейств. Дело завершается переходом власти к одному лицу. Виноградов приходит к следующему выводу: «Чем тяжелее внешние задачи, чем больше роли в жизни народа играет война, тем сильнее становится полководец. Всякое государство в ответ на эти задачи начинает вырабатывать все более и более централизованную власть и переходит в монархию или разрушается. Перевес внешних задач над внутренними — вот то условие, которое вызывает сначала стеснение круга политики в руках сената, затем переход власти к императору»²⁰. Таким образом, не рабовладельческая диктатура, созданная в связи с обострением классовой борьбы, а военная власть, возросшая в связи с внешними войнами и распространившаяся на гражданское общество, — вот что представляет собою императорская власть, согласно Виноградову.

На какую социальную силу опиралась эта новая власть? Виноградов отвечает на этот вопрос в зависимости от тех этапов, которые прошла римская монархия, — принципата и домината. К периоду принципата Виноградов целиком применяет теорию Токвиля, утверждая, что император в период принципата является «представителем войска и демократической массы, которая готова пожертвовать политическими правами ради материальных выгод... Императорский деспотизм... всегда представляет результат сращения военной и демократической тенденций»²¹. Теперь император и сенат противостоят друг другу как враждебные социальные силы. «Император не только полководец, но также представитель низших классов по отношению к республике, потому что именно олигархический характер имели остатки республики во внутреннем управлении. Каждый шаг императора на его социальном пути, каждый шаг в осуществлении своей задачи как покровителя низших классов будет в то же время шагом против республиканского устройства, против городской автономии»²². Исходя из этого, Виноградов именует принципат «демократическим деспотизмом».

Что же касается абсолютной монархии эпохи домината, то она выступает в тот момент, когда сопротивление сената было сломлено и императорская власть приобрела большую самостоятельность, она перестала зависеть не только от аристократии, но и от народа, поскольку ей не надо было заискивать перед народом для борьбы с аристократией. Таким образом, по мнению Виноградова, создались условия, когда надклассо-

¹⁸ «Римская империя», стр. 2.

¹⁹ Там же, стр. 12.

²⁰ Там же, стр. 14.

²¹ Там же, стр. 19—20.

²² Там же, стр. 239.

вый характер государства мог проявляться без особых препятствий. Поэтому абсолютная монархия, смотря по обстоятельствам, могла опираться то на народ, то на аристократию. Виноградов весьма невысокого мнения об абсолютизме римских цезарей, во-первых, потому, что эта власть при случае может опереться на народ, а, во-вторых, он, вслед за Токвилем, ненавидит централизацию. Он саркастически говорит о централизованной деспотии, где император играет «по усовершенствованной чиновничьей клавиатуре», где чиновники вносят во все «графу, план и мундир» и подчас оказывают сильнее самих императоров, где вместо граждан живут только подданные, не заинтересованные в процветании государства, и т. д. В этой централизованной империи, «не допускающей ни свободного слова, ни избирательной власти», царствует «безумие Цезаря», а «общество» целиком отстранено от управления государством.

Свои симпатии Виноградов отдает сенатской аристократии. Это та самая аристократия, которую он, согласно Токвиллю, считал носителем свободы, защищаемой как от деспотизма, так и от народа. В связи с этим Виноградов сочувственно оценивал тех императоров, которые шли на уступки аристократии. Он старательно выискивает случаи, когда императоры были милостивы к сенату и когда, казалось, появлялась надежда на сотрудничество «общества» и государства; для него это были исторические примеры, доказывающие полную возможность «единения» монархии и аристократии. Например, главная цель Александра Севера, по словам Виноградова, состояла в том, чтобы «на место бесконтрольного абсолютизма поставить правильный, законный строй; при этом он пришел к убеждению, что строй этот может быть установлен лишь тогда, когда император будет ограничен в своей власти, когда в корне будут изменены отношения императора и государства»²³. Таков идеал «правового» государства, подтверждение которого Виноградов хочет найти в Римской империи.

Большое внимание Виноградов уделяет социально-экономической истории Римской империи. Он различает три периода в развитии римской экономики. Первый период составил основу республиканского строя и является периодом «классического» рабовладельческого хозяйства. Существенной его чертой является натуральный характер. Дальнейший рост разделения труда тормозился наличием рабского труда, составлявшего основу производства. «Исходным фактом в данном случае является то обстоятельство, что рабский труд делает ненужным разделение труда и экономических обязанностей в классе граждан. В античном государстве есть бедные и богатые граждане, но они являются по отношению к рабскому труду в положении простых собственников этого труда и не противоположны уже по группам между собою в том смысле, как противоположны теперь предприниматели и рабочие. Свободного рабочего не существует, так же как не существует безземельного свободного батрака: существует единство хозяйства, при котором вся свободная часть населения управляет и пользуется, вся несвободная — работает, и притом в одинаковой степени для промышленности добывающей и ремесленной»²⁴. Каждый город представляет собою экономически замкнутый мирок, из конгломерата которых, собственно, и состоит хозяйство республиканского Рима. Основой этого натурального хозяйства в эпоху республики является свободная мелкая собственность с примитивной техникой и ручным трудом. «Мелкая собственность и мелкое хозяйство» — такова, по Виноградову, основная хозяйственная черта периода республики.

Но уже к концу этой эпохи в экономике древнего Рима происходят крупные перемены. Полоса завоевательных войн разоряла мелкую крестьянскую собственность; в этом же направлении действовала и конкуренция дешевого привозного хлеба с завоеванных территорий; в связи с этим стало выгодно заниматься разведением винограда и оливок — культур, которые были под силу только крупным хозяйствам. Наконец, эта полоса победоносных войн дала огромный приток рабов — дешевой рабочей силы, попавшей главным образом в руки крупных собственников. Этот процесс формирования крупной собственности особенно усиливается благодаря созданию империи. Опол-

²³ «Римская империя», стр. 268.

²⁴ Там же, стр. 134.

чавшийся против политической централизации и явно ее переоценивавший Виноградов переносил этот критерий и на централизацию хозяйственную. Он ошибочно полагал, что благодаря «общей государственной власти древний мир, разрозненный прежними республиками, сливается в один хозяйственный организм»²⁵. Но он с полным основанием указывал на то обстоятельство, что рост хозяйственных связей был на руку крупной собственности. Кроме того, деспотическая централизация, по мнению Виноградова, была пагубна еще и потому, что, закрыв гражданам доступ к политической деятельности, она оставила доступной для них только одну сферу — сферу приобретения денег. Период империи Виноградов рисует как период всеобщего стяжательства, период падения всех прежних политических и нравственных устоев. «Не власть, а деньги являются теперь центром всего общественного строя»²⁶, — говорит Виноградов.

Вся страна покрывается латифундиями, основанными на рабском труде. «Крупная собственность и крупное хозяйство» — такова формула Виноградова для характеристики хозяйственного строя ранней империи.

Ему на смену приходит новый период хозяйственного развития Римской империи, порожденный кризисом III века. Это был кризис как внутренних, так и внешних отношений империи. Внутри страны шла гражданская война, поднялись народные массы. Восстания народа представляли собою «попытки социальной революции. Начинаются в Африке и Галлии волнения, которые скрывают в себе опасные элементы и которые объясняются не только неустойчивостью политической власти, но социальным брожением. В Африке колоны берутся за оружие, потому что нет возможности платить налоги. В Галлии начинаются движения низших слоев, которые неоднократно повторяются в течение III и IV вв.: начинается так называемая багауда. Последствия анархии III в. чрезвычайно важны; они не будут уничтожены даже тогда, когда удалось внешним образом сплотить власть»²⁷.

На своих границах империя начинает отступать под натиском варваров. Для варваров III век был веком создания крупных племенных союзов, способных перейти в наступление на Рим. Но, с другой стороны, «успех, с которым действуют варвары, объясняется в значительной степени бессилием римского государства»²⁸. Это означало, что завоевательные войны Рима прекратились, а вместе с этим прекратился приток рабов в римское хозяйство. Рабовладельческое хозяйство оказывается перед угрозой разорения. «Чтобы противодействовать разорению, необходимо большое напряжение рабочей силы; но можно ли требовать такого напряжения от работников, эксплуатируемых в хозяйстве по произволу? Поэтому несвободный труд становится несвоевременным. Надо внушить работнику особый интерес к тому делу, которым он занимается, чтобы он продолжал это дело, несмотря на постоянное разорение и ущербы. Является, таким образом, социальная необходимость поставить раба лучше, чем он стоял прежде, сделать его человеком, заинтересованным в деле хозяйства и свободным. Запрос на свободных колонов — переход рабства в крепостничество — эти факты, которые намечаются уже раньше, становятся теперь социальной необходимостью»²⁹. Теперь «самое нравственное понимание рабов изменилось, потому что изменяется экономическая подкладка. Люди так созданы, что гуманные теории являются почти всегда в связи с движением в сфере материальных интересов»³⁰.

Наряду с повышением социального положения рабов происходит понижение социального положения крестьянства; свободный крестьянин превращается в зависимого колона. Зависимость крестьянина от землевладельца рождается из экономических причин, и только впоследствии эта фактическая подчиненность крестьянства закрепляется законом. Так из двух источников — класса рабов и класса свободного крестьянства —

²⁵ «Римская империя», стр. 240.

²⁶ Там же, стр. 164.

²⁷ Там же, стр. 274.

²⁸ Там же, стр. 273.

²⁹ Там же, стр. 275—276.

³⁰ Там же, стр. 147.

стал складываться класс колонов, на труде которого теперь покоилось крупное земледелие. В этом и состоит отличительная черта в хозяйственном развитии поздней империи. На смену крупной собственности с крупным хозяйством периода ранней империи приходит теперь крупная собственность с мелким хозяйством.

Превращение рабов в колонов Виноградов называет «социальным великим переворотом»³¹, знаменовавшим собою замену рабства феодальной эксплуатацией. При этом он явно переоценивает значение этого явления; он говорит не об элементах феодализма, зародившихся в недрах античного хозяйства, а о начале уже сложившегося феодализма. Рабство он считает изжитым уже в античную эпоху. «В отношении социальном, — говорит Виноградов, — уже Римская империя выработала ту форму, которая просуществовала в течение средних веков и сделалась основой общества в новое время. Рабство исчезло по существу уже в течение Римской империи, исчезло, главным образом, вследствие хозяйственных причин»³². Таким образом, периодом перехода от рабовладельческого строя к феодальному Виноградов считает не V век — общепринятую дату, — а III век, когда рабовладельческая империя еще существовала и можно было говорить лишь о складывании элементов феодализма.

Однако этот переход от рабства к крепостничеству не дал выхода из кризиса, хозяйство продолжало деградировать, на место «единого хозяйственного организма» снова приходит натуральное хозяйство. Надвигается экономический развал Римской империи.

Этот рост центробежных сил пытается остановить римская абсолютная монархия. Абсолютизм усиливает централизацию и делает это при помощи всеобщего закрепощения сословий; закрепощение начинается с высших сословий — землевладельцев и куриалов, а затем дело завершается закрепощением и низших сословий. «Понятно, что когда была установлена общая крепость — холопство, нельзя было оставить без крепости низшие сферы земледелия; в этом случае прикрепощение колонов и рабов является только последним звеном в цепи общего прикрепощения»³³. Теорией всеобщего закрепощения сословий Виноградов пытается обосновать «надклассовый» характер государства. Другой стороной такого аргумента было утверждение, что государство якобы не только закрепощает всех, но и помогает всем в одинаковой мере, в том числе рабам и колонам; если, «с одной стороны, приходится видеть ограничение их свобод, то, с другой стороны, государство старается избавить их от произвола землевладельцев»³⁴. Многие императоры предпринимали специальное законодательство в защиту эксплуатируемого населения. Например, Антонин Пий своей главной задачей ставил «возможно незаметное охранение богатой рабочей силы, которая трудилась на всех концах империи и создавала блестящую культуру образованного мира»³⁵.

Однако несмотря на свой «надклассовый» характер, поздняя империя, по мнению Виноградова, страдала существенным пороком — централизацией. В особенности Виноградов ополчается против бюрократии — она вносила полный произвол в управление страной. Произвол обострял отношения между государством и подданными. Империя начинала смотреть на подданных как «на разбойников, которые хотя и убежать от дела, связанного с уплатой подати»³⁶. Начинается всеобщее бегство населения со своих мест, к которым оно прикреплено, из корпораций, к которым оно приписано; в стране, где господствует абсолютизм, водворяется всеобщий беспорядок.

В этих условиях государство вынуждено было, по мнению Виноградова, менять свою политику, оно «начинает отступать от крайних требований централизации и бюрократии» и призывает себе на помощь большую общественную силу — «вождей общества» — землевладельцев, передав в их руки фактически всю местную власть.

³¹ «Римская империя», стр. 241.

³² Там же, стр. 296.

³³ Там же, стр. 288—289.

³⁴ Там же, стр. 42.

³⁵ Там же, стр. 126.

³⁶ Там же, стр. 288.

Случилось это потому, что помещики³⁷, благодаря феодализации общества, превратились в большую социальную силу; Виноградов подчеркивает, что к помещикам или мелкие земледельцы за покровительством, что мелкий и слабый люд готов был на любую барщину, лишь бы стать под высокую руку помещика, что те, «кто оказывается без барина, без патрона, попадают в плохое положение». Делу привлечения помещиков к управлению государством Виноградов придает огромное значение, при наличии местного самоуправления Виноградов готов примириться даже с абсолютизмом; «от той или другой организации администрации участь масс зависит гораздо более, чем от организации политической власти... При организации политической власти, не особенно удовлетворительной, обыденное управление, администрация может идти сравнительно хорошо. Пример тому дает прусская монархия, которая, будучи организована на началах абсолютизма, развила очень совершенную систему управления»³⁸. Но общество поздней Римской империи осталось глухо к призывам государства. Абсолютизм, приучив общество к рабскому повиновению, сделал его неспособным к общественным делам.

В теории всеобщего закрепощения, развиваемой Виноградовым, совершенно отчетливо выступают черты той теории закрепощения, которую создала русская либеральная историческая наука для объяснения происхождения крепостного права в России. Крепостничество и абсолютизм осуждается прежде всего с той точки зрения, что они были помехой к «единению» монархии и «общества». Таков исторический прецедент, на который Виноградов обращает внимание своих слушателей.

В своем курсе большое место Виноградов отводит вопросам идеологии, которые он свел к происхождению христианства. Лектор формулирует два ряда причин, породивших христианство. Формирование религии стоит «в несомненной связи с теоретическими убеждениями общества, с той философией, которая выработалась в нем и определяет его мирозерцание. Самая эта философия стоит в известном определенном ряде научного развития, складывается благодаря тому, что известные проблемы выдвигаются как последствия ранее разрешенных задач. Но рядом с этой сторовой дела, которая имеет большое значение, стоит другая. Нравственные воззрения, стремления, надежды, даже общее теоретическое мирозерцание стоят в связи с определенными практическими условиями общественной жизни. Не при всех общественных условиях возможно господство известной теории; поэтому рядом с теоретической связью нравственной философии стоит отношение нравственных учений к практике... Нам придется, с одной стороны, считаться с известными выработанными философскими школами, с другой — придется обратить внимание на то, до какой степени требования нравственности императорского времени зависят от исторической действительности»³⁹.

Такая постановка вопроса помогла Виноградову высказать немало плодотворных мыслей в объяснении происхождения христианства, однако он берет практику индивидуального человека; живя в обществе, человек, в изображении Виноградова, выступает как самодовлеющая сила, лишенная классовых черт, не связанная с практикой класса, изолированная в своих действиях. Это мешает Виноградову до конца понять процесс складывания христианства. Но, несмотря на эту ограниченность, взгляды Виноградова на происхождение христианства имеют большой историографический интерес — это были наиболее передовые взгляды в тогдашней буржуазной науке.

³⁷ Виноградов к понятиям зарубежной истории часто применяет русскую терминологию: римских землевладельцев он именует помещиками, проконсулов — губернаторами, средневековую городскую ратушу — городской думой, членов городского совета — гласными, мэра города — городским головой, парижские предместья — посадами, систему местных собраний по конституции 1793 г. во Франции — вечевым строем, Комитет Общественного спасения — Третьим отделением революционного правительства и т. д.

³⁸ «Римская империя», стр. 77.

³⁹ Там же, стр. 197—198.

Основной чертой гражданской жизни древней Греции классического периода и Рима периода республики, по мнению Виноградова, была политическая свобода. Поскольку перед каждым гражданином была открыта полная возможность политической деятельности, то жизнь каждого человека, если он не был рабом, была наполнена этой деятельностью, человек был поглощен служением гражданским идеалам и стремился к этому служению. Он постоянно ощущал свою связь с обществом, был активным деятелем той или иной партии. В соответствии с этой исторической действительностью религия древнего грека и римлянина республиканского времени была религией светской, оптимистической, она не переносила идеал человека в потусторонний мир, а стремилась «сосредоточить человека на здешней жизни», учила, что «человек может достигнуть счастья своими средствами»⁴⁰. И сама действительность и религия были проникнуты едиными гражданскими мотивами, земными и жизнерадостными.

Иная обстановка сложилась в период империи. Вместо отдельных городов-государств, с которыми была связана политическая деятельность граждан республики, создается огромная империя, где человек, ранее считавший себя членом своего маленького города-государства, теперь чувствует себя затерявшимся в этой огромной космополитической империи. На место гражданского сознания стал индивидуализм или, как говорит Виноградов, все общество разбилось «на массу отдельных, сосредоточенных в себе личностей»⁴¹. Ранее поглощенный служением гражданским идеалам, человек теперь, лишенный политических прав и деятельности, погружается в стяжательство, гражданская доблесть сменяется политическим безразличием, нравственный уровень граждан сильно понижается. Лозунг «хлеба и зрелищ» выражал именно это падение нравственности в эпоху поздней империи.

Такова тогдашняя действительность. Она нашла свое отражение в римской философии. Вместо учений Платона и Аристотеля, которые, по мнению Виноградова, выдвигали на первый план познание жизни, получают распространение учения стоиков, эпикурейцев и неоплатоников, выдвигавших на первый план вопросы этики, вопросы поведения людей в создавшихся условиях. Все эти философские системы приходят в основном к одинаковому выводу — к идее равнодушного отношения к окружающей действительности, и в тех условиях это было вполне закономерно; «равнодушие к внешнему миру — вот пункт, к которому тяготеют все школы. Понятно, что этот вывод... глубоко коренится в самой действительности: этот вывод делают философские системы, когда действительность, среди которой они развиваются, настолько неудовлетворительна, что кроме равнодушия, человеку другого выхода и нет. Если приводить свой внутренний мир в связь с этой окружающей действительностью, если ставить свое счастье в зависимость от того, как оно сложится, то ничего, кроме несчастья, получить не может; так тяжело давит окружающая действительность на личность»⁴².

И сама действительность, и философия, ею созданная, породили новую религию — христианство. Виноградов исходит из той мысли, что люди создают себе богов сами, исходя из своих собственных понятий, подсказанных им действительностью. «Уже в VI веке греческий философ Ксенофан говорит, что каждый народ творит богов по своему подобию; так, негры делают их черными; и если бы львы и быки могли говорить и писать поэмы, то, наверное, они создали бы подобных себе богов»⁴³. Появление христианства, таким образом, было обусловлено всем ходом римской истории. Язычество соответствовало историческим условиям республики, когда римское государство состояло из отдельных городов-государств. Тогда «боги существовали для каждого отдельного города и борьба городов была в то же время и борьбой богов»⁴⁴. С появлением империи язычество со своим многобожием перестало соответствовать новым историческим условиям. Единое, централизованное государство нуждалось в едином боге. «Пали от-

⁴⁰ «Римская империя», стр. 234.

⁴¹ Там же, стр. 212.

⁴² Там же, стр. 214—215.

⁴³ Там же, стр. 221.

⁴⁴ Там же, стр. 7.

дельные политические границы, отдельные государства сливались в одну политическую сферу — в то же самое время в религиозной сфере происходит подобное же движение: амальгама отдельных культов и богопочитаний, уничтожение разнообразных религиозных верований, державшихся государственной и племенной раздельностью»⁴⁵. Толпа богов, становившаяся все более многочисленной в римском пантеоне, мешала единству империи и в конце концов должна была склониться перед богом-самодержцем.

Но новая религия отразила не только политическую потребность новой действительности, она отразила и её этические нормы. В период республики «вопросы счастья сводятся на усовершенствование и приведение в порядок здешней жизни, жизни земной; когда же начинается запрос на будущую жизнь, это служит доказательством, что настоящая жизнь перестала удовлетворять и что прежний античный идеал разлагается»⁴⁶. Главная черта христианства — вера в загробную жизнь — порождена общественными условиями разлагавшейся Римской империи; в этом был своего рода идеологический выход для античного мира, запутавшегося в своих противоречиях; «этот выход выработался... не в силу чисто теоретической работы мысли: этот выход был дан прежде всего практической потребностью, неудовлетворенностью земным существованием, которое заставляло людей надеяться на примирение противоречий в жизни земной — в жизни загробной»⁴⁷.

Виноградов подчеркивает, что распространение идей христианства в народных массах, с одной стороны, и в верхах римского общества, с другой, имело свои отличительные особенности. Что касается народных масс, то вплоть до III века они являлись главными носителями христианства. Успех христианства в народе Виноградов объясняет не подавленностью масс и безвыходностью их борьбы, а «практической религиозной потребностью, которая никогда не умирала в массах»⁴⁸. Эта потребность обусловлена, по мнению Виноградова, невежеством народа. «Чем ниже мы спускаемся от верхушки, занятой высоко образованными людьми, тем более мы замечаем, что в римском мире живет требование непосредственного религиозного чувства в противоположность аргументации, в противоположность логическим философским построениям»⁴⁹.

Неудовлетворенность жизнью, порождавшая веру в потусторонний мир, явилась весьма благоприятной средой для распространения идей, содержащихся в восточных культах — идеи грехопадения, идеи бессмертия души, идеи возмездия, идеи искупления и связанной с ней идеи умирающего и воскресающего бога и т. п. Именно поэтому получают большое распространение культы персидского бога Митры, египетских Озириса и Исиды, сирийской богини Кибеллы и др. Именно поэтому растет популярность давно распространенных в Риме греческих культов Диониса, Деметры, Аполлона, Геракла, в той или иной мере содержавшие эти идеи. Ранее христианство было особенно тесно связано с иудаизмом, с которым оно разошлось лишь в своем дальнейшем развитии; свидетельством этого расхождения была полемика апостола Павла с приверженцем иудейских традиций апостолом Петром. Обоих «участников» этой дискуссии Виноградов считает реально существовавшими личностями.

Процесс формирования новой религии протекал в борьбе с язычеством, которое не уходило без боя. Сила язычества заключалась не только в силе государства, которым оно долгое время располагало как государственная религия, но и в силе традиций. Сила этих традиций, в частности, сказалась в том, что на монотеистическое христианство легла печать языческого политеизма; «является стремление допустить существование служебных богов, ангелов, демонов, правда, созданных единым богом, но стоящих в особенно близких отношениях к отдельному человеческому существованию —

⁴⁵ «Римская империя», стр. 222.

⁴⁶ Там же, стр. 232—233.

⁴⁷ Там же, стр. 249.

⁴⁸ Там же, стр. 218.

⁴⁹ Там же, стр. 246.

призванных вмешиваться в него, руководить им, видоизменять его, принимать человеческие молитвы и, согласно с этим, сообщать божественную благодать. Идея посредничества является в связи со стремлением дать известное место политеизму»⁵⁰.

Так протекал основной процесс в развитии христианства, главным носителем которого были народные массы. Параллельно с этим процессом, а с III века слившись с ним, развивался другой процесс — распространение христианства в среде высших классов. Особенностью развития христианских идей в верхах римского общества было огромное влияние на эти идеи со стороны философии, развивавшейся в тех же исторических условиях, что и само христианство. Памятником подобного влияния является евангелие от Иоанна, где центр тяжести с биографии Христа перенесен на философское обоснование христианства: распространение христианских идей среди имущих классов империи усилило борьбу христианства с язычеством, ускорило превращение его в равноправную, а затем и в государственную религию.

Говоря об отношениях государства и религии, Виноградов настойчиво подчеркивает политическую основу этих отношений. По политическим причинам римское государство притесняло раннее христианство. По политическим причинам император Константин стал искать опоры в христианстве. Борясь со своими противниками за власть, он «поднимает христианское знамя (*labarum*), на котором находился вензель Христа, и, убедившись в деятельной помощи, которую оказало ему христианство, он делает христианство одним из краеугольных камней своей политики»⁵¹. По политическим же основаниям христианство было сделано государственной церковью и становится «социальным фактором, органом управления, главным контролирующим элементом в чисто политических отношениях» (там же). Церковь вместе с правительством становится блюстителем политического единства в государстве. Для этой цели церковь создает свою централизованную и дисциплинированную организацию; она борется со всякими ересями, ибо любая догматическая разнотолковщина так же опасна для церкви, как социальные потрясения для государства.

Не одобряя этой централизаторской деятельности церкви, Виноградов в то же время считает церковь благодетельной силой. По его мнению, люди подчиняются церкви добровольно; он старается подчеркнуть, что, выступая вместе с государством, церковь в то же время имеет и другую сторону своей деятельности — она берет под свою защиту всех пострадавших от властей, создает право убежища для преступников, она имеет церковный суд, якобы более нелицеприятный и милостивый, чем суд государства, она развивает благотворительность, она, наконец, не ставя вопроса об отмене рабства, тем не менее смягчает участь рабов и т. д.

Такова в основных чертах концепция истории древнего Рима, созданная Виноградовым. В этой концепции, как мы видим, не поставлена одна из коренных проблем античной и средневековой истории — проблема перехода от древнего мира к средним векам, несмотря на то, что она является проблемой падения Римской империи, историю которой читал Виноградов. Однако если эта проблема не существует в виде отдельной темы курса Виноградова, то это еще вовсе не значит, что она не существует для самого Виноградова. Уже само игнорирование этого заключительного раздела курса является своеобразным решением этой проблемы, а отдельные высказывания, которые встречаются на протяжении всего курса, позволяют с полной уверенностью установить отношение Виноградова к вопросу о смене Римской империи средневековьем.

Весь курс Виноградова свидетельствует о том, что его автор представлял себе переход от древности к средним векам как плавный, постепенный переход без существенного разрыва в общественном развитии. Эту непрерывность развития Виноградов видел во всех сферах общественной жизни. В области экономики непрерывность, по мнению Виноградова, состояла в том, что всю свою технику, производственные навыки, виды хозяйственной деятельности, уровень хозяйства и т. д. средние века целиком получили от Римской империи.

⁵⁰ «Римская империя», стр. 247—248.

⁵¹ Там же, стр. 294.

В области социальных отношений Римская империя, по мнению Виноградова, уже в III веке дала отмену рабства и установление крепостничества. Открывая свой курс, Виноградов подчеркивает: «История исчезновения рабства и перехода его в крепостничество есть один из важнейших фактов Римской империи»⁵². Как мы видели выше, Виноградов настаивает на этом совершенно категорически. Таким образом, установление феодальной формы эксплуатации, по мнению Виноградова, произошло еще в римские времена, и V век, когда происходит падение Римской империи, уже не мог внести никакого перерыва в сложившиеся социальные отношения. Тот факт, что римский институт — христианская церковь — не только сохранился, но укрепился и оказал сильное влияние на все средневековье, служит для Виноградова неопровержимым доказательством непрерывности перехода от древнего мира к средним векам.

Разрыв между этими эпохами имел место, по мнению Виноградова, лишь в двух отношениях. Во-первых, в отношении политическом — на место Римской империи стали варварские государства, и, во-вторых, в отношении культурном — происходит варваризация культуры. Однако этот разрыв Виноградов старается смягчить целым рядом оговорок — влияние римской монархии на формирование королевской власти в средние века, влияние римских традиций в Священной Римской империи германской нации, влияние римского права и т. д.

Причина этих настойчивых поисков общих черт между Римской империей и средними веками и стремление затупевать различия между этими эпохами совершенно очевидна. Основная задача, которую Виноградов ставит себе в данном случае, состоит в том, чтобы снять проблему революционного перехода от древнего мира к средним векам, переместить центр тяжести этой проблемы с периода бурного V века, когда совместными ударами угнетенных народных масс империи и варваров-завоевателей была разрушена рабовладельческая формация, на более ранний период, в хронологические пределы самой Римской империи. Это обстоятельство делает понятным и другое — настойчивое стремление Виноградова игнорировать вопрос о роли народных масс в гибели Римской империи. Упомянувший о народных движениях в эпоху кризиса III века, Виноградов совершенно не упоминает о народе, когда речь идет о кризисе V века, приведшем к падению Римской империи. Более того, Виноградов сбрасывает со счетов не только народ — что в буржуазной историографии является обычным решением вопроса о падении Римской империи, — но и всячески старается ослабить завоевательный характер варварских вторжений. Признавая, что Римская империя находилась в осажденном положении, теснимая варварами, что варварские народы в конечном счете ликвидировали римское государство, Виноградов в то же время старается усилить частный момент, как известно, имевший место в действительности и состоявший в том, что варвары часто проникали на римскую территорию с разрешения императоров. Эту «инфильтрацию» он считает главнейшей чертой всего движения варваров, утверждая, что и само так называемое великое переселение народов было «менее результатом завоевания, чем результатом постепенного просачивания варваров через римскую границу»⁵³. Виноградов подчеркивает: «Мы, несомненно, отвергаем обыкновенную классификацию на историю древнюю, которая оканчивается падением Римской и [историю средневековую, которая] начинается изображением варварских племен»⁵⁴.

Все это свидетельствует о том, что в трактовке проблемы перехода от древнего мира к средним векам Виноградов не занимал в буржуазной науке передовых позиций. Как известно, традиционная точка зрения буржуазной историографии признавала тот объективный факт, что переход от античности к средневековью совершается в V веке н. э. Несмотря на то, что буржуазные ученые обычно сводили переход к средневековью к германскому завоеванию Римского государства, тем не менее эта точка зрения была прогресс-

⁵² «Римская империя», стр. 7.

⁵³ Там же, стр. 129.

⁵⁴ Там же, стр. 90. Взятые в квадратные скобки — пропуск в гектографированном тексте.

сивной потому, что рассматривала этот переход как социальный переворот, как скачок в прогрессивном развитии общества. Но в буржуазной историографии были постоянные попытки отрицать революционный характер этого перехода. Наиболее простой путь такого отрицания состоял в попытках доказать, что переход от древности к средневековью в V веке произошел без какого-либо общественного переворота (Фюстель де Куланж, впоследствии Донш). Другие пытались доказать это другим путем — приурочивая рубеж между этими эпохами к другому времени. Так, известный бельгийский медиевист Пиренн временем перехода к средним векам считал VII век. Виноградов, как видим, приурочивал этот переход к III веку. В этом нашли свое выражение попытки буржуазной исторической науки различными путями обойти бурный V век, когда под совместными ударами угнетенных народных масс и варварских народов падает Римская империя, когда совершается революционный переход от рабства к феодализму.

М. А. Алтатов
